
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ОБНОВЛЕННАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА
(ПОИСК НОВЫХ КОНЦЕПТОВ)

© 2019 г. А. Г. Чернявский^{1,*}, Н. Н. Червяков²

¹Военный университет Министерства обороны РФ, Москва

²Московский институт государственного управления и права

*E-mail: aleksandrcher@mail.ru

Поступила в редакцию 11.02.2018 г.

Современная действительность убеждает нас в том, что переосмысление многих представлений о закономерностях и сущности социально-духовного и политико-правового бытия становится неизбежным. Статья носит постановочный характер. На основе выявления связи учений о государстве у представителей разных направлений философской и научной мысли и различных эпох предпринимается попытка пересмотра современной теории государства. Выдвигается предположение о концептуальных идеях, которые могут послужить первоосновой выстраиваемой теории, а также связи их с общим развитием общества.

Ключевые слова: идейная основа, парламентское представительство, концептуальные идеи, тенденции развития, корпоративный строй, целеполагание, федеративный идеал, общественная солидарность, политическая организация.

DOI: 10.31857/S013207690003657-4

Развитие любой науки основывается на постоянном обогащении ее новыми идеями, взглядами, подходами. Но, к сожалению, оценивая сегодняшнее состояние науки, приходится констатировать наличие кризисных явлений в современном правосознании и политической мысли, вызванных глубокими преобразованиями, которые переживают политические формы обновленного общества.

Не то чтобы наблюдался упадок жизни и мысли, скорее наоборот, чувствуется особое оживление, ибо нарождается новая жизнь, не вписывающаяся в существующие теории, а теории, установившиеся, десятки и сотни лет признанные, колеблются, перестают отвечать действительности, перестают быть ей адекватными. Как следствие, требуется построение новых. Но новые теории еще не созданы, лишь проявляется необходимость ломки стереотипов, пересмотра давно признанных принципов, отыскания новых руководящих идей.

Само по себе положение, сложившееся в современной юридической теории, навевает пессимистические настроения: тускнеет вера в демократическую идею, закрадывается сомнение относительно спасительной силы парламентского представительства, разложение прокрадывается и в теорию государственного суверенитета, и даже позиции позитивизма в праве не выглядят столь

внушительно. А поскольку теория и практика неразрывно связаны и испытывают взаимовлияние, то вполне возможно предположить, что решение многих проблем нашей действительности вряд ли возможно без реформации теоретической основы.

Нужно отметить, что существенные преобразования коснулись не только общественного уклада, но и процессов регуляции общественной жизни. К примеру, смытое социализмом частное право возрождается, однако еще недостаточно укрепилось. Что же препятствует вхождению в жизнь явления, имеющего цивилизационное значение, принимаемого как всеобщая ценность, и что необходимо предпринять, чтобы устранить эти препятствия? В такой ситуации вполне справедливо возникает вопрос о возможности использования многовекового опыта монархической России, в которой свято чтилась частная собственность. Однако существовавшее до революции частное право, построенное на римских индивидуалистических принципах, не может быть (как ранее) использовано в современных условиях. И подобных примеров из российской действительности найдется немало.

Следовательно, обращение к решению задач теоретического плана, а именно: выяснению главного вопроса — каковым является государство по

природе, сущности и действительности — выглядит вполне логичным?

Заметим, ключевые элементы всякой теории — концептуальные идеи, выступающие одновременно и отправными точками в формировании самой теории. Таким образом, открывается направление научного поиска — отыскание, а более конкретно — формулирование таких идей, которые не ломали бы «до основания, а затем...» сложившуюся систему координат, но в то же время были бы адаптированы к современной действительности, а в идеале раскрывали бы перспективы в будущее.

В связи с этим позволим себе небольшое отступление. Как известно, наука о государстве принадлежит к числу общественных наук, т.е. таких, которые заняты изучением явлений, возникающих из совместной жизни людей в обществе, и предмет ее — государство — представляет собой одну из форм человеческого общения. Прежде всего необходимо остановиться на выяснении вопроса о целях, которые может и должна ставить себе наука о государстве при изучении этой государственной формы общения.

Как всякая другая наука, государствоведение имеет своей задачей понять, объяснить явления, входящие в круг ее исследования, а для этого ей изначально нужно выйти из того многообразия явлений государственной жизни, которое предстает перед исследователем в начальной стадии его работы, уложить все это в определенную систему, свести к некоторым общественным началам. Задачу облегчает первоначальное ознакомление с изучаемой областью явлений. Поэтому и тут наука должна определить, под влиянием каких причин государства складываются так или иначе. Чем обуславливается смена одних явлений другими? Идеалом познания и в науке о государстве должно быть установление известной правильности в области исследуемых явлений — в отличие от естественных наук, где в процессе исследования речь идет об установлении закона явлений. В общественных науках ввиду их сложности приходится довольствоваться определением тенденций (общего направления) развития. Итак, наша задача сводится к вычленению компонентов, характеризующих государство в современной культурной среде. Попытаемся сделать это через целеполагание. Не претендуя на лавры первопроходцев, освежим некоторые из идей предшествующих поколений, интерпретируя их сообразно современным потребностям.

Когда мы приступаем к рассмотрению цели государства, то наталкиваемся, по мнению проф. Трейчке, прежде всего на известный спорный вопрос: является ли государство средством для жизненных целей граждан или граждане

являются средством для великих культурных целей государства?¹

Многие построения, производимые с целью постижения государства, не всегда учитывают то обстоятельство, что речь идет о сфере идеального, в то время как примеряется полученная конструкция к чему-то реально существующему. В реальности же существует государственный аппарат, в котором государство материализуется. Подобная мысль неоднократно воспроизводилась в западной и отечественной литературе². Однако более полно государство выглядит как единство трех компонентов: власти, государственного аппарата и идеи государства.

Один из выдающихся представителей науки о государстве Г. Еллинек не без оснований указывал, что при обсуждении целей государства смешивают обычно три равных вопроса: 1) для чего существует государство вообще; 2) какую цель имеет в истории всякое определенное государство; 3) какую цель имеет государство в данную эпоху для всех его членов и для всего общества³.

Первые два вопроса Еллинек правильно считает неразрешимыми при помощи опытного исследования и называет их вопросами об объективной цели государства. В последующем теория об объективной цели плодотворно развивалась и достигла высшей степени своего развития в философии Г. Гегеля.

От вопроса об объективной цели следует перейти к вопросу о субъективной цели государства, т.е. об отношении государства к индивидуальным целям людского сообщества.

Добавим, что учения о субъективной цели государства Г. Еллинек, в свою очередь, подразделяет на абсолютные и относительные теории. Первые — более старого происхождения и исходят из представления об идеальном типе государства, поэтому большей частью выставляют одну-единственную, включающую в себя все другие цели, неизменную, словом, абсолютную цель государства. Вторые исходят «из меняющихся представлений о задачах государства и конкретных отношений в нем, после тщательного исследования границ деятельности его»⁴ и приписывают последнему только относительно конкретные цели.

Но так как абсолютные теории «либо благоприятствуют безграничному расширению власти

¹ См.: *Treitschke. Politik*. Leipzig, 1897. P. 67—80.

² См.: *Спиридонова В. И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-правовой мысли: сопоставительный анализ. М., 2008.

³ См.: *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. Вступит. ст. И. Ю. Козлихина. СПб., 2004. С. 236.

⁴ Там же. С. 246.

государства, либо ставят ее в точно определенные границы», то, по мнению Г. Еллинека, «они распадутся на учения о всеобщих и об ограниченных целях государства»⁵. Среди учений о всеобщих целях государства наибольшей популярностью пользуется учение о том, что благосостояние индивида и общества — высшая и единственная цель всех публичных учреждений. Данное утверждение проявляет свою жизнеспособность, находя отражение в конституциях самых разнообразных государств⁶. Сам по себе этот факт свидетельствует о правильности постановки вопроса.

Остановимся теперь на теориях об ограниченных целях государства, считающих целью государства то безопасность, то свободу, то право. Но так как «безопасность создается правом», а учение о свободе выдвигает на первый план субъективное, правовая же теория — объективное право, то все три учения в существенном совпадают. Возникли они как протест против учения, по которому право должно отступать на задний план, если этого требует высшая цель, «как протест против умаления права и связанной с ним беззащитности личности перед государственной властью, как протест против теории и практики государственного всемогущества». Но если учения о всеобщей цели не могли найти предела для ограничения деятельности государства, то учения об ограниченной цели всегда слишком сужали цель государства. Если первые приносили личность в жертву государству, то вторые жертвуют государством для личности. При этом никогда не было и не может быть государства, которое занималось бы только защитой права.

Эволюция государства сопровождается стремлением найти политический строй, в котором существование прочной политической организации — этого необходимого условия культуры и прогресса было бы соединено с сохранением индивидуальной свободы. Политическая мысль очень долго отвечала на этот вопрос догмой народного суверенитета, предполагая, что демократическая форма правления и есть искомая идеальная форма. Однако исторический опыт показал, что деспотизм, подавленность личности и все губящий централизм одинаково возможны как при тирании, так и при господстве народа. Поэтому-то, кто бы ни был господином в государстве, необходимы гарантии личной свободы. До сих пор почти все виды действительных политических гарантий так или иначе сводились к принципу разделения власти, т.е. к федеративному принципу, в то время как действительными гарантиями являются: 1) корпоративный строй, где между государством

и индивидом стоит сложная ткань социальных организмов, умеряющих давление из центра и гарантирующих индивида против абсолютистских тенденций центральной власти; 2) такая политическая организация, в которой воля и закон образуются как соглашение, компромисс и договор многообразных сил. Федеративный идеал указывает также единственно допустимый исход социально-экономическим тенденциям современной эпохи.

Политический анализ социально-демократического мировоззрения показывает нам призрак политического монстра — государства, в верховном управлении которого сосредоточивались бы не только все политические, но и хозяйственные функции и от которого зависела бы жизнь граждан в ее самых последних экономических проявлениях. Право человека на полный продукт своего труда, на достойное существование при сохранении личной свободы может найти себе осуществление только в формах свободной кооперации. Идеи такой кооперации нашли отклик в политической доктрине марксистов, но опыт социалистического строительства не подтвердил ее жизнеспособности.

Первую гениальную попытку нарисовать строй, где господствовала бы общественная собственность при личной свободе граждан, представляла собой система Фурье⁷ с ее свободными ассоциациями — фаланстерами и серийным, групповым трудом. Прудон с истинно философской глубиной также стремился показать, как свободно может установиться общественная собственность⁸, а вслед за этим утверждал, что на смену централизованному государству приходит самоуправляющееся федеративное общество.

Идея необходимости политической организации социальной дифференциации отвечает также непомерно развивающейся административной деятельности государств. Растущие задачи современных государств по удовлетворению самых разнообразных культурных целей находят разрешение в широко развитой самоорганизации общества. Наше время характеризуется необычайным тяготением разрозненных до этого индивидов сорганизоваться в самые разнообразные союзы. Все интересы — экономические, научные, художественные, религиозные и т.п., существующие в обществе, стремятся получить определенную организационную форму; жизнь в своих низах и в своих глубинах из неопределенного аморфного состояния переходит в стадию образования союзов. Это — один из

⁷ См.: *Фурье Ш. Ф. М.* Теория четырёх движений и всеобщих судеб: избр. произв. Т. 1. М., 1938.

⁸ См.: *Прудон П. Ж.* Что такое собственность или исследование о принципе права и власти / пер. Е. и И. Леонтьевых. СПб., 1907.

⁵ Еллинек Г. Указ. соч. С. 247.

⁶ См.: Менгер А. Право на полный продукт труда / пер. В. Гефдинг. СПб., 1906.

тезисов, который может быть положен в основание выстраиваемой теории.

Немаловажной переходной ступенькой будет утверждение о том, что идея построения политической жизни на федеративном принципе особенно благотворные результаты оказывает в области форм правления, хотя и здесь могут встречаться подводные камни. По сути, существующая современная теория форм государства лишена конкретики и сводится к общим характеристикам. По этому поводу вполне можно выразить солидарность с замечаниями В.П. Малахова, касающимися организации власти⁹.

На протяжении длительного времени политической мыслью (как догмат) принималось положение о том, что наиболее современной, наиболее устойчивой и наиболее справедливой формой правления является парламентаризм. Однако политическая эволюция в тех странах, где он утвердился, дала начало тому, что принято теперь называть кризисом парламентаризма. Обнаружились роковые и органические пороки парламентарной системы. Современная политическая литература переполнена указаниями на самые разнообразные слабые стороны парламентаризма и вообще современной представительной системы. Прежде всего при том строе, который, по-видимому, построен на уважении к народной воле, т.е. при парламентаризме, в действительности происходит настоящая узурпация народной воли несколькими сотнями депутатов.

При выработанной партийной системе, при правильно работающей партийной машине и в особенности при развитой технологии производства угодных правительству выборов свобода избирателей в редкие моменты избрания оказывается чисто иллюзорной: выбора нет или он слишком ограничен. На место народа-суверена становится собрание лиц, всякими правдами и неправдами нашедших себе доступ в собрание. Парламент в этом случае отражает не волю и мнение страны, а случайное настроение профессиональных политиков, легко дающих своим избирателям никогда почти не исполняемые обещания, никогда не затрудняющихся изменить свои убеждения.

К тому же избирательные системы и избирательные процессы в ряде случаев далеки от идеала. В странах, где многочисленные партии борются друг с другом, там все сводится к мелочным личным расчетам; государственная деятельность переходит в унизительный торг; великие интересы страны забываются, а на их место ставятся мелкие частные выгоды. Там же, где в жизни страны имеют

значение лишь две партии, устанавливается настоящая олигархия нескольких партийных вожakov. Что особенно отрицательно в функционировании парламентарной системы в современных развитых демократиях, так это постоянное тяготение парламентарной системы перейти в форму правления, которую можно было бы назвать конвентской.

Вся сила власти сосредоточивается в народном собрании. Во главе страны становится всемогущий парламент, против которого нет защиты, который один, без всяких препон все может. При установившемся господстве хорошо организованной партии это всемогущество парламента превращается во всемогущество кабинета, который держит в своих руках парламент. Причем весь контроль парламента над правительством превращается в химеру, в пустое слово. Наконец, нельзя отрицать, что законодательная работа, совершаемая в многочленном собрании, производится плохо; в законы вносятся в силу случайных настроений и случайного образовавшегося большинства противоречивые статьи, причем и редактируются эти статьи часто очень неудачно. Там же, где политический строй централизован, всякий недостаток законодательной работы может сделаться пагубным.

Сказанное отнюдь не вызывает отрицания самой идеи парламентаризма. Указанные недостатки современного представительного режима находят себе врачевание во введении в политическую жизнь корпоративного начала. Каждая большая область государственной деятельности организуется особо, самостоятельно. Центральный парламент занимается лишь координацией (в общих интересах работы) отдельных сфер государственной администрации. Всемогущество, абсолютизм его находят в этом свое ограничение, непреходимую грань. Негативные проявления представительства находят свою коррекцию в корпоративном и профессиональном представительстве. Эта мысль, давно уже высказываемая французскими критиками парламентаризма, очень удачно была сформулирована Г. Еллинеком. Позволим себе достаточно полно процитировать: «Современное общество,— считает он,— охвачено процессом самоорганизации. Самые разнообразные человеческие интересы, которым теперь хотят дать выражение при составлении парламента, все более и более объединяют отдельных лиц в множество взаимно перекрещивающихся групп. Право образования корпораций является самым могучим средством для группировки гражданского общества, обреченного, как первоначально казалось, на вечную распыленность. В этих корпорациях идея представительства может получить гораздо более верное выражение, чем в существующих центральных парламентах, потому что органы корпораций предназначены служить лишь более ограниченным интересам своих членов

⁹ См.: Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011. С. 315, 316.

в противоположность неосуществимой идее отразить всю жизнь народа в его представительстве. Некоторым из этих корпораций уже ныне открыты легальные пути для воздействия на правительство и законодательство тем, что им предоставлено право петиций и внесения предложений. Здесь таится зародыш новой формы законодательства. Для отдельных отраслей законодательства должны быть учреждены специальные парламенты на основе все резче вырисовывающейся социальной группировки... Такие специальные парламенты, непосредственно созданные группировкой общества, могли бы вступать в прямые сношения только с правительством. Задача последнего заключалась бы в том, чтобы взвешивать требования отдельных народных групп, а центральный парламент, наделенный значительно меньшей компетенцией, чем в настоящее время, должен был бы уравнивать эти интересы преимущественно путем выражения своего согласия или отказа»¹⁰. Это еще один тезис, представляющий определенный интерес в дискурсе поставленной проблемы.

Изучая жизнь обществ, мы констатируем тесную зависимость, соединяющую между собой (в силу общности потребностей и разделения труда) членов социума и делающую то, что интересы общества и индивида не противоречат друг другу, а совпадают. Личность есть, по выражению В. Соловьева, лишь суженное общество, а общество — лишь расширенная личность.

Развитие личности зависит от прогресса общества, и общество процветает лишь при широко развитой индивидуальной жизни. Это простое социологическое наблюдение известно было уже давно: еще Аристотель говорил о цели, соединяющей людей, и об общежительной природе человека. Это воззрение на солидарность интересов общества и личности лежало в основании почти всех так называемых общежительных теорий права. Но впервые почти позитивный характер был придан ему Сен-Симоном и О. Контом. Последний даже попытался построить на идее общественной солидарности позитивную научную этику. Истинно плодотворное значение идея общественной солидарности приобрела тогда, когда она соединилась с идеей социальной дифференциации, выработанной эволюционной философией.

Попытка положить идею общественной солидарности в основание этической и юридической системы привлекательна тем, что ею сводится до минимума произвольный, постулативный момент в этике, которая воздвигается, поскольку это возможно, на научном, позитивном основании.

Общественная солидарность, т.е. взаимная зависимость общества и индивидов, есть установленный факт, в смысле неизменно наблюдаемого в общественной жизни постоянства отношений.

История и социология утверждают, что благополучие и интересы общества и индивидов тесно связаны друг с другом и неизменно взаимно влияют. Этот закон общественной солидарности кладется в основание этики и права, тем самым несколько меняя свой характер. Общественная солидарность как бы теряет свою каузальную природу и приобретает характер теологический.

Закон необходимых общественных отношений познается людьми и свободно кладется ими в основание практической деятельности. Жизнь показывает лишь, что благополучие социального целого и благополучие его частей не противоречат друг другу, а совпадают. Но сам этот закон познается главным образом потому, что в жизни непрерывно происходят явления, отклоняющиеся от общественной солидарности и показывающие, что, когда бывают забыты интересы индивидов, страдает все общество, и обратно. Следовательно, люди в своей свободной деятельности могут или следовать правилу, выведенному из закона общественной солидарности, или действовать вопреки ему. Причем во втором варианте поведения они будут действовать против своего и общественного блага. Между законом общественной солидарности и деятельностью людей создается такое же отношение, как между свободой и необходимостью в системе Гегеля. Человек свободен тогда, когда он познает необходимость закона и добровольно принимает его. Взаимная зависимость блага общественного и индивидуального есть то необходимое, которое может быть познано людьми и свободно ими положено в основание своей деятельности. В последнем случае общественная солидарность из факта превращается в императив. Этим, нам кажется, вполне опровергается то возражение, которое обычно выставляется против солидаристической этики, что будто бы из действительного нельзя вывести должного.

Правило общественной солидарности, вытекающее из социологически устанавливаемого закона социальной взаимозависимости, является основой объективной социальной этики; оно же является руководящей идеей разумного права, тем критерием, каким должны измеряться и оцениваться положительные законы и обычаи. Рациональна, разумна только та система права, которая построена на уважении к правилу общественной солидарности и имеет в виду ее поддержание, сохранение и развитие.

Итак, идея общественной солидарности тесно связана с идеей социальной дифференциации

¹⁰ *Еллинек Г.* Конституции, их изменение и преобразование / пер. со вступ. ст. Б. А. Кистяковский. СПб., 1907.

и разделения труда. Комбинация этих идей раскрывает нам возможность нового политического идеала, которому, быть может, суждено влить юную жизнь в изжитые формы современных централизованных государств.

Возникает, по-видимому, возможность построить последовательную и научно-обоснованную систему всемирного права, гарантий личной свободы, правомерности государственной власти. Это — теория широко понимаемого федерализма. В сущности, это старый корпоративный идеал. Люди нашего времени слишком все пропитались идеями абсолютного государства, так как они долго жили в атмосфере политического централизма, и им казалась столь неопровержимой демократическая доктрина народного суверенитета, что они готовы с легким сердцем забывать и презирать другие формы, в которые слагалась политическая жизнь народов в течение очень долгого времени и которые давали силу обществу.

Нужно заметить, что в истории человечества был период (хотя и непродолжительный), когда политическая организация строилась на принципах корпоративной дифференциации, а не государственной интеграции. В период расцвета Средних веков¹¹, т.е. к концу XVII в., основным элементом общественного строя являлись группы. Каждая из этих групп имела особые организации, статут, интересы и обычаи. Каждая из них занимала свое отдельное и строго определенное место в общей системе, и все вместе они образовывали не механический агломерат, а органическую федерацию живых корпоративных организмов. В политической жизни господствовало начало договора. Сам представительный режим был вызван к жизни применением договора к общей правительственной системе. Благодаря удачному применению начала федерации к сильно дифференцирующейся жизни феодальный строй в течение некоторого времени представлял собой нечто стройное и гармоничное. В полном расцвете он пришел к чрезвычайно возвышенной и гуманной формуле, к идее согласия, ограничивающего власть, к власти, соединенной с послушанием. Разумеется, речь не идет о возврате к средневековому правлению, но понять природу существовавшей на тот момент рациональности небезынтересно.

Нам теперь остается перейти к учениям об отношениях целей государства. Виднейшие из этих учений согласны в том, что «все цели общежития входят в сферу деятельности государства». В то же время они пытаются установить «область деятельности государства путем выяснения тех пределов,

которые ставят государству находящиеся в его распоряжении средства и сам характер его деятельности». Государство не может преследовать не достижимых для него целей. Так, оно не в силах создать ничего, относящегося исключительно к внутренней жизни человека, как, например, верований, религии, нравственности, науки, искусства.

Возможные для государства виды деятельности распадаются на принадлежащие исключительно ему и на такие, по которым допускается конкурирующая с ним деятельность отдельных граждан и их союзов.

По этому вопросу Б. Н. Чичерин высказывается так: «Цель государства есть общее благо, удовлетворение народных потребностей. Для этого необходима деятельность правительственная и общественная. Нужды могут удовлетворяться либо частной предприимчивостью, собственным почином граждан, либо действием власти. Отношение между ними обратно пропорциональное: недостаток деятельности одного рода восполняется избытком другой. Чем менее инициативы у граждан, тем более приходится делать государству, ибо общественные потребности должны быть удовлетворены, если народ не хочет оставаться на низшей ступени развития. Наоборот, государственная власть может значительно ограничить свое ведомство там, где частная предприимчивость и энергия общества достаточны для покрытия нужд»¹².

Другими словами, государство имеет целью осуществлять право. Государство же, по Л. Дюги, есть «всякое человеческое общество, в котором существует разделение на правящих и управляемых, одним словом, — политическая власть». Но, «собственно говоря, праву подчинено не само государство, так как это последнее есть лишь абстрактное выражение, употребляемое для обозначения социального факта, а те личности, которые в данном обществе наделены властью приказывать и принуждать путем материальной силы к повиновению этим приказам»¹³, т.е. правительство.

Учение о солидарности приводит далее Л. Дюги к выводу, что «государство обязано издавать известные законы», а именно: «все те законы, которые обеспечат каждому материальную и моральную возможность содействовать социальной солидарности, например законы, обеспечивающие каждому бесплатный минимум обучения, обеспечивающие средства для существования всякому лицу, не способному добыть их своим трудом, и, наконец, законы, позволяющие всякому человеку, могущему

¹¹ См.: Яценко А. С. Международный федерализм. История юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1908.

¹² Чичерин Б. Н. О народном представительстве. СПб., 1899. С. 88.

¹³ Ковалевский М. М. Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века. СПб., 1905. С. 47.

и желающему работать, найти труд»¹⁴. Ну разве эти мысли не созвучны сегодняшнему пониманию государства как социального?! Л. Дюги полагает даже, что «в силу права, основанного на социальной солидарности, на государстве лежит долг издавать законы, делающие для всех труд обязательным, — не труд в какой-либо определенной форме, а как таковой. Недопустимо, чтобы член общественного целого ничего не делал, и недопустимо, чтобы государство не обязало его делать что-либо»¹⁵. Возможно, что и эта идея, хотя и навевающая воспоминания о социализме, могла бы быть преобразована в теоретическое положение.

В целом наши рассуждения сводятся к следующему. В формировании современной теории государства должен учитываться научный потенциал предшествующих поколений, накопленных юридической наукой и проверенных на практике знаний. В современной теории государства во главу угла может быть поставлена идея о целях сущностного порядка. Постановка целей определяется множеством разноплановых факторов. Искусственность цели приводит к неправильной постановке задач и работе государства без положительного результата. Набор целей сопряжен с процессом их минимизации, но это не означает их стремления к нулю (идея отмирания государства не подтверждена социальной практикой).

Достижение целей более реально при наличии определенных условий, способствующих укреплению государства. В первую очередь такими условиями выступают солидаризация общества, модернизация института парламентаризма на подлинно демократических началах, движение от чрезмерной централизации к федеративному идеалу. Гарантиями свободы индивидов должен выступить корпоративный строй, где между государством и индивидом стоит сложная ткань социальных организмов.

Предшествующее изложение, как мы надеемся, показало, каких целей и задач нельзя приписывать государству; под влиянием каких обстоятельств изменяются постановки государству тех или иных задач; осуществления каких задач нельзя ждать от современного государства; наконец, при каком общественном строе (политическом и социально-экономическом) широкие слои народа могут ожидать, что их насущные интересы станут целями государства, как одной из форм совместной жизни людей.

¹⁴ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / пер. В. Краснокутский, Б. Сыромятников, Б. Ященко с предисловием П. Новгородцева. М., 1908. С. 675.

¹⁵ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / пер. В. Краснокутский, Б. Сыромятников, Б. Ященко с предисл. П. Новгородцева. М., 1908. С. 675.
2. Еллинек Г. Конституции, их изменение и преобразование / пер. со вступ. ст. Б. А. Кистяковский. СПб., 1907.
3. Еллинек Г. Общее учение о государстве. Вступит. ст. И. Ю. Козлихина. СПб., 2004. С. 236, 246, 247.
4. Ковалевский М. М. Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века. СПб., 1905. С. 47.
5. Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011. С. 315, 316.
6. Менгер А. Право на полный продукт труда / пер. В. Гефдинг. СПб., 1906.
7. Прудон П. Ж. Что такое собственность или исследование о принципе права и власти / пер. Е. и И. Леонтьевых. СПб., 1907.
8. Спиридонова В. И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-правовой мысли: сопоставительный анализ. М., 2008.
9. Фурье Ш. Ф. М. Теория четырёх движений и всеобщих судеб: избр. произв. Т. 1. М., 1938.
10. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. СПб., 1899. С. 88.
11. Ященко А. С. Международный федерализм. История юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1908.
12. Treitschke. Politik. Leipzig, 1897. P. 67—80.

REFERENCES

1. Dyugi L. Konstitucionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva / per. V. Krasnokutskij, B. Syromyatnikov, B. Yashchenko s predislovиеm P. Novgorodceva. M., 1908. S. 675.
2. Ellinek G. Konstitucii, ih izmenenie i preobrazovanie / per. so vstup. st. B. A. Kistyakovskij. SPb., 1907.
3. Ellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve. Vstupit. st. I. Yu. Kozlihina. SPb., 2004. S. 236, 246, 247.
4. Kovalevskij M. M. Obshchij hod razvitiya politicheskoy mysli vo vtoroj polovine XIX veka. SPb., 1905. S. 47.
5. Malahov V. P. Metodologicheskie i mirovozzrencheskie problemy sovremennoj yuridicheskoy teorii. M., 2011. S. 315, 316.
6. Menger A. Pravo na polnyj produkt truda / per. V. Gefding. SPb., 1906.

7. *Prudon P. Zh.* Chto takoe sobstvennost' ili issledovanie o principe prava i vlasti / per. E. i I. Leont'evyh. SPb., 1907.
8. *Spiridonova V. I.* Evolyuciya idei gosudarstva v zapadnoj i rossijskoj social'no-pravovoj mysli: sopostavitel'nyj analiz. M., 2008.
9. *Fur'e Sh. F. M.* Teoriya chetyryoh dvizhenij i vseobshchih sudeb: izbr. proizv. T. 1. M., 1938.
10. *Chicherin B. N.* O narodnom predstavitel'stve. SPb., 1899. S. 88.
11. *Yashchenko A. S.* Mezhdunarodnyj federalizm. Istoriya yuridicheskoy organizacii chelovechestva v politicheskikh ucheniyah do konca XVIII veka. M., 1908.
12. *Treitschke.* Politik. Leipzig, 1897. R. 67—80.

UPDATED THEORY OF THE STATE (THE SEARCH FOR NEW CONCEPTS)

© 2019 A. G. Chernyavsky^{1,*}, N. N. Chervyakov²

¹*Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow*

²*Moscow Institute of public administration and law*

*E-mail: aleksandrcher@mail.ru

Received 11.02.2018

Modern reality convinces us that the rethinking of many ideas about the laws and the essence of the socio-spiritual and political-legal existence becomes inevitable. The article is staged. On the basis of revealing the connection of doctrines about the state among representatives of different directions of philosophical and scientific thought and different epochs, an attempt is made to revise the modern theory of the state. It is suggested that the conceptual ideas that can serve as the basis of the theory being built, as well as their connection with the overall development of society.

Key words: ideological basis, parliamentary representation, conceptual ideas, development trends, corporate structure, goal-setting, Federal ideal, public solidarity, political organization.

Сведения об авторах

ЧЕРНЯВСКИЙ Александр Геннадьевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны РФ, Москва

ЧЕРВЯКОВ Николай Николаевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московского института государственного управления и права

Authors' information

CHERNYAVSKY Alexander G. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of the Constitutional (State) and International Law of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow

CHERVYAKOV Nikolay N. — PhD in Law, associate Professor, head of the Department of theory and history of state and law of the Moscow Institute of public administration and law